

Александр Евсюков

Неудобный герой

Главы из будущей книги

В ноябре 2021 года в Луганске от болезни сердца скончался Юрий Ковальчук. Журналист, публицист, прозаик, воин ополчения Донбасса. Ему было всего тридцать восемь лет. Спустя пять месяцев статьям Юрия посмертно была присуждена международная литературная премия «В поисках правды и справедливости», первое место в номинации «Молодая публицистика России». При этом во время голосования членам жюри о его смерти ещё не было известно, и за него голосовали как за живого.

Я тоже был там, на официальной церемонии в историческом особняке Дома Пашкова в самом центре Москвы, — получал лауреатский диплом за свою книгу, пожимал руки, слушал речи, хлопал выступающим. Но именно эта история моего сверстника, не дожившего нескольких месяцев не только до своей первой литературной премии, но и до освобождения родного Херсона, оказалась самой важной. Она не могла не уколоть в сердце. В тот же день я стал узнавать о нём, гуглить ссылки и находить его знакомых в соцсетях.

Юрий родился в Новой Каховке Херсонской области Украинской ССР. Совсем скоро в огромной стране началась перестройка, и вот уже ученик начальной школы Юра, как и десятки миллионов бывших советских граждан, вдруг очутился в «самостійной, вільній і незалежній» Украине. Молодой человек старался принять и посылить улучшить жизнь в молодом государстве, но по-настоящему ужиться с ним так и не получилось. Тем не менее в родном городе Юрий жил и работал вплоть до весны 2014-го, всем известной как «Русская весна». Об этом периоде он обычно рассказывал коротко: «Мне тридцать четыре года¹, до две тысячи четырнадцатого года жил в Новой Каховке Херсонской области. Окончил Херсонский государственный университет по специальности „Английская филология“. С две тысячи третьего года начал работать в журналистике в местных печатных изданиях, писал рассказы в журналы, в основном на социально-политическую и экономическую тематику. С две тысячи одиннадцатого начал работать на всеукраинском уровне, ушёл в Интернет, писал для издания „2000“ и интернет-изданий „Набат“, „GolosUA“ и „Альтернатива“. С марта две

тысячи четырнадцатого года и по сей день пишу для интернет-издания „ПолитНавигатор“. Эти все ресурсы были антинационалистическими».

А вот что добавил его бывший коллега Александр Гунько, оставшийся в Херсоне по другую сторону информационного фронта:

«Более всего Юрий прославился работой в газете „Новокаховская правда“. Писал хлёстко, в основном статьи против местной власти, проводил журналистские расследования, выявлял серьёзные нарушения в работе чиновников. Для поиска компромата в виде какого-то документа мог запросто поехать в Киев и даже в Москву. Ему принадлежит выражение: „Кто-то что-то построит, а мэр подкрадётся и перережет ленточку“.

Вскоре газета таки „достала“ власть предержащих. Её учредителю и издателю, предпринимателю Василию Подрезу, стали угрожать. Затем подожгли автомобиль и разрушили магазин. <...> Подрез вынужден был свернуть свой бизнес и уехать за границу. <...>

„Я устал быть цепным псом, — признавался тогда Ковальчук своему коллеге. — Мы всё лаем и лаем на эту власть, а толку?“»

Первые недели победившего Майдана Ковальчук «пропустил» по очень уважительной причине — лежал в больнице, а затем передвигался только на костылях. Однако и в таком состоянии он старался принять участие в местном антимайдане, хотя и вынужден был откровенно признать, что «все мероприятия в Херсоне и в Новой Каховке носили смехотворный характер».

«Меня тогда не трогали, я как раз попал в ДТП и сломал большую берцовую кость, — рассказывал Юрий, — лежал в больнице, делали операцию. Когда я выписался, то ужаснулся, насколько всё переменялось буквально за месяц. Совершенно другой мир, другие люди. Я пришёл на заседание местного исполкома и увидел, как мэру города какие-то бесноватые молодчики-националисты просто затыкают рот. Я не выдержал и громко спросил: „Владимир Иванович, а с каких это пор .....

1. Из интервью порталу «Луганский Информационный Центр» от апреля 2018 года.

„майдауны“ у нас повестку дня диктуют?“ Все ахнули, там такой крик потом стоял. И я понял, что если останусь, то долго на свободе мне не пробыть, да и работать я тут не смогу. В итоге принял решение поехать в Крым».

В Херсоне и Николаеве уже начались репрессии против несогласных. Но «оказавшись в Севастополе, я понял, что помощь никакая и не нужна, всё уже произошло: ходят счастливые люди, играют бравурные марши»... Именно поэтому, добавил Юрий, «я себя там не нашёл, не увидел, чем я там буду заниматься и зачем я вообще там нужен. Там уже всё закончилось благополучно для местных жителей». А затем «началась „АТО“ в Донбассе. В конце апреля я поехал в ДНР. В Донецке в тот момент происходили события скорее ритуального какого-то характера. Проходили митинги, люди активно боролись за место у микрофона на сцене возле администрации. Мне хватало буквально нескольких часов, чтобы понять: делать здесь мне нечего — надо ехать непосредственно в Славянск. Но попасть туда было довольно проблематично. Славянский гарнизон испытывал нехватку оружия. Да и в Краматорске не было возможности вооружить и экипировать всех желающих».

Кроме того, у Юрия на тот момент напрочь отсутствовал не только боевой, но и армейский опыт: «Ведь сам я в армии не служил: у меня была страшная, практически неизлечимая болезнь — мама работала в военкомате (улыбается)». И вот пришла директива: всех, не имеющих боевого опыта и не служивших в армии, отправить в комендантские части. Новоприбывший ополченец не захотел себе такой судьбы и поэтому перешёл на местное радио. «Мы отжали „укропскую“ студию, очень быстро охватили ареал в семьдесят километров и достаточно быстро наладили продуктивную работу. Но мне было мало такого участия, и при первой возможности я ушёл в мотопехоту. Правда, из „мото“ у нас была только раздолбанная „Газель“, но зато это была настоящая пехота. <...> Девиз наш был прост: „Слабоумие и отвага“. Теперь, оглядываясь назад и вспоминая наши действия, думаю, очень странно, что мы остались в живых. Вели себя, как будто все считали себя бессмертными, и как-то проносило, слава Богу. Мне досталось противотанковое ружьё аж тысяча девятьсот сорок второго года выпуска, точно как в фильме „Они сражались за Родину“. Удивительная вещь, очень интересно было с ним работать».

Подразделение, в котором воевал Ковальчук, именовалось Краматорским батальоном мотопехоты. Батальон, как и другие формирования ополченцев, подчинялся Игорю Стрелкову, но его непосредственным командиром был всем

тогда известный по колоритным фотографиям «казак Бабай». «Скажу сразу про Сашу Можаява — „Бабая“. Он мировой мужик, но ни я, ни мои соратники ни разу не видели его ни в одном бою. Было устойчивое впечатление, что он занимается исключительно административными вопросами, „отжимаем“ и прочей важной, но не особо героической деятельностью»². А самому Ковальчику в боях поучаствовать довелось. Дальше процитирую его художественный текст — рассказ «Соль земли», изначально главу из неоконченной и пока неопубликованной повести:

«Это был конец июня 2014 года, и война уже шла полным ходом. Я плохо помню те дни. Поспать удавалось не более нескольких часов. Потом мы поднимались по тревоге и мчались куда-то на нашей безумной повозке — микроавтобусе „Газель“, боковая дверь которой держалась на проволоке, поэтому её приходилось держать руками, чтобы не выпасть на ходу. Возвращаясь в расположение, я наскоро, как будто сдавал норматив, ел и мылся, после чего сразу валился спать.

<...> Я выполз со своим ПТР на уровень дороги, прицелился и открыл огонь по позициям врага. Мой заряжающий куда-то пропал вместе с моим автоматом, и где-то на периферии сознания меня сильно беспокоила возможность потерять автомат, если парня убьют или что-то в этом роде. Пока я полз, обратил внимание, что кое-где на высоких стволах каких-то растений повязаны белые тряпицы — ориентиры для снайперов. Значит — территория была полностью пристреляна».

Дальше идёт бой, вернее, односторонний обстрел, бессмысленный и, увы, совершенно беспощадный:

«Солнце нещадно палило. Камни и трава рвали мне кожу, но я лишь сильнее вжимался в землю и лежал, уткнувшись лицом в сплетения трав и комки почвы. Вдыхал их запах и слушал противный треск разрывающихся мин. Шелест осколков был повсюду. Один впился в землю у меня между ног, сантиметров за двадцать до причинного места. Было не страшно умереть, но страшно остаться калекой. Каким-то бесполезным обрубок. <...> Как только он вскочил и метнулся в укрытие, по этому участку начали колотить, как мухобойкой. Теперь я видел нескольких бойцов — мы лежали, вжавшись всем телом в землю, и я чувствовал её на губах».

Совсем не новый ракурс, известный практически каждому, кто побывал под обстрелом, но Юрий нашёл в нём свои особенные художественные детали.

«В глаз давил камень, саднил изодранный живот. Кто-то рядом вскрикнул от боли — видимо, попал осколок. Проверить, что случилось с моим товарищем, не было никакой возможности. Вокруг всё свистело и гроыхало; осколки и пули причёсывали густую растительность — наше единственное

2. «Немного о Стрелкове и о Краматорске» // сайт «Конт», 15 апреля 2015 года.

укрытие. <...> Земля была вокруг меня, и на мне, и даже у меня во рту. Я чувствовал её вкус, осознавал всю её прекрасную силу, дарующую тёплую жизнеутверждающую волю к жизни. Мне было ужасно обидно от мысли, что, вполне возможно, я больше никогда не смогу вот так нырнуть в объятия степного моря и чувствовать на губах это счастье — соль земли».

В тот раз Юрий (как и герой рассказа) отделался контузией. Но давление регулярной армии на мятежные города усиливалось с каждым днём. Наступала кульминация всего сражения, и для осаждённых виделось два выхода: героическая гибель либо неожиданный прорыв. Командование выбрало второй вариант. Однако то, как он осуществлялся, Юрий воспринял с негодованием, а вспоминал с болью: «Наш Краматорский гарнизон относился к иерархии Игоря Стрелкова. И наш вывод, сдачу „укропам“ города и людей я воспринял как предательство, как сдачу интересов. Приведу лишь один момент: я в тот день стоял со своим отделением на блокпосту между Краматорском и Дружковкой. У меня была директива стрелять во всё, что крупнее легкового автомобиля, даже если этот транспорт идёт из города. И вот начала выходить колонна с ГСМ и с пехотой. Теоретически я должен был встретить её огнём. Но это же наши! У нас были рации, но нас никто ни о чём не предупредил. Потом мы узнали, что штаба уже нет, а мы всё ещё стоим на блокпостах. Хорошо, что мы ещё стояли на безопасной стороне, а были ребята, которые стояли на той стороне, где уже дрг противника просачиваться начали. Нас бросили, по сути. Очень это всё было не организовано».

На эмоциях и с немалой долей разочарования Юрий уехал тогда на «большую землю». Однако вскоре понял, что «Донбасс будет со мной всю оставшуюся жизнь. Много тогда среди наших повстречал земляков из Херсона, Николаева, Харькова. Донбасс уже стал своего рода ковчегом. Сюда ехали те, кто понимал, что с Украиной им не по пути. В октябре две тысячи четырнадцатого года я вернулся. В качестве военного корреспондента сотрудничал с Первым армейским корпусом. Только при мне в боях за Донецкий аэропорт погибли три наших военкора с позывными Вагид, Эллин, Ухо. Тогда ещё можно было ехать на передовую не только с камерой, но и с автоматом; с ребятами полноценно участвовать в „мероприятиях“ и что-то ещё при этом отснять...»

Во второй половине апреля две тысячи пятнадцатого года эта вольница для прессы закончилась. Всё изменилось. Вывезли, как кур выпустили на пятачке побегать — красивого, бритого солдата отснять, взять у него интервью, поехать обратно... Такая работа меня не устраивала — хотелось участвовать непосредственно в событиях, быть на острие, как раньше».

Юрий участвовал в операциях батальона «Сомали», которым тогда руководил легендарный командир Гиви; в боях за аэропорт вновь был контужен и получил ранение, лечился в госпитале Донецка. В репортажах этого периода чувствуется, что автор даже после вспышки бессильного гнева стремится отбросить сомнения и убедить не только других, но и самого себя, что всё происходящее отнюдь не напрасно:

«Ополченцы не скрывают, что устали от вялотекущей и подлой войны, которая характеризуется неожиданными кровопролитными стычками. Наша сторона вынуждена соблюдать Минские договорённости в одностороннем порядке. Люди то томятся от бездействия, то вынуждены скрежетать зубами, глядя, как от вражеской артиллерии гибнут товарищи.

Нужно понимать: вопреки изнурительной жизни в состоянии „ни мира, ни войны“, республики получили передышку, а люди в ЛНР стали чувствовать себя значительно увереннее»³.

В 2017 году мать Юрия перестала отвечать на его телефонные звонки, последний раз им удалось пообщаться девятого марта. Он знал, что она сильно болела и уже три года теряла зрение. «Я пытался дозвониться до каких-то знакомых, ведь очень немногие продолжали со мной общение. Но никто ничего вразумительного не мог мне сказать. В какой-то момент я принял решение ехать туда, отлично осознавая, что меня ждёт и что может произойти. Однако это был единственный выход, мать есть мать». Тем более совершенно одинокая и физически беспомощная женщина. И он решился, несмотря на огромный риск своего предприятия, ведь и в Каховке, и в Новой Каховке уже появились огромные баннеры: «*Они хотят войны в твоём городе*». На них были размещены портреты Ковальчука и каховчанина Данила Корецкого, который также воевал за ДНР.

Поздней весной по «зелёнке» он скрытно пересёк границу, меньше чем за четверть часа преодолел неприступную «стену Яйценюка». «Сделал всё, что планировал. И по возвращении назад, тем же способом, в пункте пропуска Гоптовка между Харьковской и Белгородской областями сдался доблестным российским пограничникам. А они в течение пятнадцати минут без всякого оформления передали меня своим украинским коллегам. Те сплясали джигу: „Ого, какая радость!“ И поехал я осваивать херсонские казематы. Российские пограничники должны были отправить меня в специальный центр, оформить и так далее. Но у них заканчивалась смена, очень спешили. При этом примерно понимали, кто я. Всё объяснил им. Один .....

3. Ю. Ковальчук. «Подлая война: Репортаж с передовой на Донбассе» // сайт «Конт», 21 мая 2016 года.

ещё говорит: „Ой, ему ж там голову отрежут...“ Но они просто связались с украинскими коллегами и передали меня. А поскольку я был объявлен в розыск по Херсонской области, за мной буквально на следующее утро приехали херсонцы и забрали».

Его последняя перед пленом запись в соцсети «Фейсбук» была краткой: «*Жду молитв и заговоров отныне и до завтрашнего полудня. Там всё решится*». Увы, ни заговоры, ни молитвы в тот раз не помогли справиться с преступной бюрократией.

«На украинской стороне меня приняли „с распростёртыми объятиями“, тем более я на „Миротворце“ с мая две тысячи четырнадцатого года, а в розыске — с две тысячи пятнадцатого, — рассказывал Юрий. — Колёса завертелись. Поехали сначала в Харьков, затем в Херсон, там я и пребывал всё время. Паранджа, то есть мешок на голову, руки за спиной забиты в наручники, и постоянно амбалы в балаклавах рядом. Содержали строго, постоянно закрытые окна.

Впервые физическое насилие ко мне применили через две недели после ареста, когда я отказался подписать соглашение на аудиоскопию — экспертизу записей моих телефонных звонков. Стоило это удовольствие восемь тысяч гривен, причём за мой счёт — я должен был оплачивать эту экспертизу. Я отказался и вообще отказался давать какие-нибудь показания без адвоката. А государственный адвокат явно за них играл, и я тогда много наделал ошибок, которые мог бы не допустить, если бы был предупреждён. <...> В итоге рёбра переломали и зубы выбили. Рёбра поломали в трёх местах по ощущениям, а так их никто не считал, рентген тоже никто не делал. Из всей медицинской помощи мне дали таблетку каптоприла, в Херсонском СИЗО был только этот препарат, и всем его давали. Ничего другого нет, ни обезболивающих — вообще ничего. После перелома рёбер двое суток пластом лежал, сокамерники помогали водички поднести, поесть. Боли сильные? Сознание потерял? Ничего страшного: дали нашатырь, закинули в „стакан“ и повезли.

— „*Стакан*“?

— У них такое развлечение было. На допросы возили в автозаке — „буханке“ (автомобиль УАЗ-452). Там два наглухо огороженных металлом места для перевозки заключённых, называется „стаканом“. Остановятся на солнышке, оставят тебя в „стакане“ и уйдут решать какие-то свои дела, бывает, что и пару часов сидишь. Ни вентиляции, ничего — душегубка, а это июль, Херсон, на улице под сорок. Кричи, головой беися, сознание теряй, что хочешь делай. Душевные люди, что тут говорить.

— *Добились чего хотели?*

— Чего они от меня хотели, я не знаю, но в итоге я признался, что был в ополчении в Краматорске. Как получилось. Помимо пыток, я услышал первую информацию об обмене и начал его добиваться. Затем пришла информация, что я не успеваю попасть в этот обмен, украинская сторона меня не подтверждала как пленного. И у меня был выбор: либо восемь-пятнадцать лет с конфискацией, либо признать, что был ополченцем, и получить пять лет без конфискации. Разница существенная.

Документы, паспорт и прочее получили только половина обменянных, я ничего не получил. Когда к нам в камеру приходила (*первый заместитель спикера украинского парламента, представитель Киева в гуманитарной подгруппе Контактной группы Ирина*) Геращенко, мы задавали вопрос о документах. Она в ответ сказала нам: мол, вы же не любите Украину, зачем вам её паспорта — я вам учебник истории могу подарить».

Тем временем в России и на Донбассе шла работа по освобождению Юрия. Его гражданская жена Александра Павлова через друзей организовала обращение одного из депутатов местного народного совета в Донецке к уполномоченному по правам человека ДНР Дарье Морозовой. Сама ситуация с его задержанием освещалась в СМИ. «Юрия Ковальчука отдали украинским пограничникам вопреки всем ведомственным инструкциям, в нарушение всех процедур. Ему в России даже отказали в праве на арест. Может, стоит исправить ошибку?» — спрашивал на страницах «Московского комсомольца» журналист Дмитрий Дурнев.

Однако на украинской стороне всё освещалось совсем иначе. Например, упомянутый в начале рассказа бывший коллега Юрия Олександр Гунько трактовал его слова и действия совершенно иезуитским образом, не говоря прямо, но очень прозрачно намекая на возможность предательства: «Что именно Ковальчук рассказал следователям, не сообщается. Возможно, за ценную информацию ему и скостили срок».

Вернувшись на свободу, придя в себя и постаравшись отъесться на потерянные в тюрьме двадцать килограмм, Юрий вернулся в журналистику, всё больше, однако, дрейфуя в сторону литературы. На фоне относительного затишья на фронте ему хотелось максимально честно и полно осмыслить произошедшее лично с ним, с Донбассом, Украиной, а заодно и с ментально близкими нам Балканами (именно в эти годы он написал немало ярких и глубоких статей для портала «Балканист»).

В своей статье «Донбасс стал чужим Украине не только по языку, но и по вере» Ковальчук пришёл к такому фатальному выводу:

«Разрыв был неизбежен: народ Донбасса вполне спокойно мог бы отнестись и к антироссийской

риторике, и к попыткам запретить русский язык— люди просто упорно игнорировали бы эти глупости, как игнорировали попытки украинизации образования, предпринимавшиеся на протяжении двух с половиной десятилетий. В школах и госучреждениях всё так же звучала бы русская речь, а украинским бы пользовались только в делопроизводстве и публичных выступлениях.

Донбасс готов был многое спустить киевским безумцам, кроме атак на Православие, попыток подменить традиционную веру искусственным конструктом, слепленным политиками и раскольниками, нападений на верующих и священнослужителей, захватов храмов и т. д. <...>

Религиозные различия были камнем преткновения ещё в довоенный период. Сейчас между Донбассом и Украиной разверзлась настоящая пропасть, преодолеть которую будет непросто, и с каждым днём точек соприкосновения становится

всё меньше; недавние соотечественники разнятся языком, верой, цивилизационным выбором».

Думаю, он необыкновенно остро это чувствовал— человек, сделавший сознательный выбор своего языка, своей веры, своей цивилизации. Человек, который никогда не был и не стремился быть ни удобным, ни покладистым. Однако своему выбору он не изменял и говорил внешне спокойно, но с предельной выстраданной убеждённостью: «Случись всё по новой, пошёл бы опять. Постарался бы сделать больше, лучше. На Украине, за исключением нескольких регионов Юго-Востока, будущего никакого. У Донбасса при всех проблемах оно есть. А в народную милицию я не сильно гожусь: со времени перелома ноги у меня имплант металлический. Бежать не могу. Воевать охота— служить нет. Наверное, как и многим. Но если начнётся что-то масштабное, пойду в ближайший военкомат...»

На земле или уже на небе.

Источники:

Ополченец и бывший военнопленный Юрий Ковальчук: «Буду строить новую жизнь» // «Луганский Информационный Центр», апрель 2018.

Олександр Гунько. Талантливый журналист Херсонщины прославился как боевик лднр и получил срок— 5 лет // «Новая Каховка Сити», 3 декабря 2017.

Донбасс стал ковчегом для тех, кто выбрал русский путь // портал «РИТМ Евразии», 26 мая 2019.

Ю. Ковальчук. Немного о Стрелкове и о Краматорске // сайт «Конт», 15 апреля 2015.

Ю. Ковальчук. Подлая война: Репортаж с передовой на Донбассе // сайт «Конт», 21 мая 2016.

Юрий Ковальчук. Соль земли // «Алтай» №2, 2022.

Д. Дурнев. Российские пограничники фактически сдали журналиста лнр в сизо Украины. Странная судьба Юрия Ковальчука // мк.ру, 30 ноября 2017.

«Роман-газета» №7, 2022. С. 68–69.